

УДК 811.161.1'373'0(043.3)+811.111'373'0(043.3)

Аналогичные негативно-оценочные семантические изменения в разных языках

Никитенко Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена рассмотрению негативно-оценочных семантических моделей в однословных лексических единицах. Анализ проводится на материале слов современного литературного английского и русского языков. Установлены некоторые аналогичные семантические переходы в сравниваемых языках, обусловленные не языковыми контактами, не генетическим фактором. Автор приходит к выводу, что в различных языках могут быть аналогичные оценочные реакции, которые мотивируют появление схожих негативно-оценочных значений. Кроме того, в работе еще раз подтверждается тезис, что словам свойственна регулярная многозначность, являющаяся следствием семантической деривации. Причем регулярная многозначность выявляется не только в пределах одного языка, а в разнотипных языках с различной социальной историей, какими являются английский и русский языки.

Ключевые слова: семантические изменения, пейорация (ухудшение значения слова), негативная оценка, семантическая модель, семантическая структура слова.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 132–135)

Similar Negative Evaluation Semantic Changes in Different Languages

Nikitenko T.V.

Educational establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is devoted to the analysis of pejorative derivational semantic patterns in one-word lexical units. The research is carried out on the basis of modern English and Russian words. Some similar derivational semantic patterns in both of the languages have been found out. They appeared as a result of neither areal factors nor genetic ones. The author has come to the conclusion that in different languages there may be similar evaluative reactions which lead to appearing similar negatively-loaded meanings. Apart from that, in the article the statement about regular derivational semantic patterns is proved. And regular derivational semantic patterns are found not only within a certain language but in different languages from the point of view of their structure and social history. The English and Russian languages belong to these ones.

Key words: semantic changes, pejoration, negative evaluation, derivational semantic pattern, semantic word structure.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 132–135)

Согласно Е.В. Падучевой, слову свойственна многозначность, и прежде всего регулярная многозначность, которая является следствием семантической деривации. Таким образом, основная масса производных значений слова формируется за счет определенного множества семантических переходов, или моделей семантической деривации [1, с. 148–149]. В связи с этим ряд лингвистов выдвигают предложение – создать каталог моделей семантических переходов, т.е. произвести их инвентаризацию, что вписывается в парадигму сегодняшних филологических исследований, «характеризуемой установкой на объяснительность» [2, с. 13].

Однако не всегда в вопросе существования регулярной многозначности слов наблюдалось единодушие среди ученых. Достаточно вспомнить тезис об отсутствии системности в языковой диахронии, который выдвигал Ф. де Соссюр [3]. Также высказывались сомнения о наличии закономерностей в лексико-семантических изменениях по причине того, что значение тесно связано с культурой. Необходимо знать социокультурную ситуацию общества в тот период, когда изучался язык, а культурный фактор, в свою очередь, «особенно специфический фактор, на основании которого нельзя делать выводы о других изменениях» [4, с. 175]. В то же время М.М. Покровский говорил, что

«вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам» [5, с. 36]. По словам О.Н. Трубачева, «все изменения значений слов (даже так называемые «окказиональные») по своему закономерны, все дело в нашем знании или, чаще, незнании всего семантического контекста, который состоит не только из лингвистических, но и культурных звеньев» [6, с. 10].

Таким образом, актуальность данной работы заключается в том, что современные синхронные исследования лексики в структурно-семантическом и функциональном аспектах, обуславливают необходимость обращения к фактам диахронии, поскольку синтез языковых данных диахронии в рамках синхронного исследования обладает в наивысшей мере объяснительной силой.

Известно, что в основных значениях многозначных слов доля семантической информации больше, нежели в производных, которые характеризуются большим преобладанием информации прагматического характера [7, с. 141]. Следовательно, оценка, будучи категорией прагматики, чаще находит выражение в производных значениях многозначных слов.

Таким образом, цель настоящей статьи – выявление некоторых аналогичных деривационных моделей в разных языках, по которым развиваются производные негативно-оценочные значения слов. Анализируемыми языками явились русский и английский.

Материал и методы. Материалом исследования для русского языка стала картотека негативно-оценочных слов (ЛСВ), извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» (БТС). Данный словарь является универсальным справочником по современному русскому языку, рассчитанным на широкую пользовательскую аудиторию. В словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык на протяжении XX в. Первое издание словаря вышло в 1998 году, второе, без изменений и дополнений, – в 2008 году, которое легло в основу составления картотеки. Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи. Тематически лексика является разнородной. Полный объем изучаемых русских лексико-семантических вариантов составил **808** единиц.

Материалом исследования для английского языка стала картотека негативно-оценочных слов (ЛСВ), извлеченная путем сплошной выборки из толкового словаря

«Shorter Oxford English Dictionary», 6-е издание которого вышло в 2007 году. Негативно-оценочные английские слова (ЛСВ) представлены всеми полнозначными частями речи. Тематически лексика является разнородной. Полный объем изучаемых английских лексико-семантических вариантов составил **975** единиц.

Основными методами, используемыми в данной работе, являются описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций, также применялся прием сплошной выборки материала из лексикографических источников.

Результаты и их обсуждение. Как показывает языковой материал, лексемы, указывающие на социальное происхождение человека, а особенно низкое, с особой легкостью подвергаются процессам пейорации и начинают функционировать в неодобрительном или уничижительном значениях. Примеры подобных слов в достаточном количестве обнаруживаем в обоих исследуемых языках – русском и английском, что дает основание говорить о существовании такой модели изменения слов, как ‘человек низкого социального происхождения’ → ‘грубый, вульгарный человек’.

В русском языке такие единицы, как *лакей, плебей, холоп, челядь* и т.д., в XIX в. подверглись процессу ухудшения значений. Ср.: *Ну, будь мы какие-нибудь плебеи, необразованные, тогда бы помирилась я с этим житьем, <...>* (А.П. Чехов. Конь и трепетная лань, 1885–1886). В словаре под ред. С.А. Кузнецова в семантической структуре лексемы *плебей* фиксируется значение ‘о человеке невежественном, грубом, с вульгарными манерами’ (БТС). В английском языке также выделяется группа оценочных номинаций человека, связанных с его положением в обществе. Так, в ранний новоанглийский период объектом оценки становится человек незнатного происхождения, младший по званию, рангу и т.д. Например, прилагательное и существительное *plebeian* (<лат. *plēbēi-us* ‘относящийся к плебейам’ + *-an*) в английском языке впервые отмечены в 1566 г. и 1533 г. соответственно. У существительного исходное значение определялось как ‘плебей, римский гражданин незнатного происхождения’. В 1586 г. указанная лексема зафиксирована в расширительном значении ‘человек низкого происхождения, простолудин’, а со второй половины XVII в. она начала употребляться в образном негативно-оценочном значении ‘плебей, низкий, некультурный человек’, ср.: *If the Philosophers themselves be such fools, what are*

the Plebeians? ‘Если сами философы такие глупцы, то что говорить о невеждах?’ (1668) (OED, XI). У прилагательного современное негативно-оценочное значение ‘низкий, некультурный, вульгарный’ отмечено раньше, чем у существительного – в 1615 г. (OED, XI).

В данном случае на расширение семантической структуры слова оказывает влияние внеязыковой фактор. Очевидно, помимо определенного пренебрежения к людям низшего сословия со стороны правящих кругов, можно констатировать отсутствие у первых доступа в то время к элитному образованию, благородному воспитанию, а также безграмотность и т.д. Все это привело к появлению стереотипа: человек низкого социального происхождения – некультурный и грубый человек. Любопытно, что в английском и русском языках впервые негативно-оценочные значения в рассмотренных примерах фиксируются, по крайней мере по письменным источникам, в период становления нормы и развития литературных языков на национальной основе. В английском языке – XVII в., в русском – XIX в.

Еще одним примером аналогичного оценочного перехода может послужить модель семантической деривации ‘помещение для солдат’ → ‘некрасивое, унылое здание’. Так, в русском языке заимствованное слово *казарма* [< нем. *Kasarm* (-е), *Kaserne* < итал. *caserma* < фр. *caserne*] впервые отмечено в самом начале XVIII в. в значении ‘помещение для солдат, боеприпасов и др. под городским валом, в крепостной стене; каземат’ (СлРЯ XVIII в., вып. 9). Известно, что в XIX в. оценочных значений у данной единицы не фиксировалось (СЦСРЯ, II), а в первой половине XX в. уже отмечено переносное неодобрительное значение с пометой *разг.* ‘некрасивое, неуклюжее здание, построенное по казенному шаблону’ (ТСРЯ, I). Подобный переход отмечаем в семантической структуре лексемы *барак*. Известно, что данная единица была заимствована в начале XVIII в. [< исп. *barraca*, через фр., нем. *baraque*] и употреблялась в значении ‘легкое строение для солдат, для больных (в лагере, в крепостном валу)’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1). Как свидетельствует корпус текстов, примерно со второй половины XIX в., рассматриваемое слово употребляется в презрительном значении. Ср.: <...> *В контракте только сказано, что выстроить столько-то зданий, такой-то величины, но каким способом – не указано.* [Мирович (выйдя, наконец, из себя и тоже сильно уже возвыся голос)]. *Но ведь-с вы-*

строены не здания, а бараки! [А.Ф. Писемский. Ваал, 1873].

В английском языке лексема *barrack* также является заимствованием [< фр. *baroque* < итал. *baracca* или < исп. *barraca*] второй половины XVII в. Первоначально слово употреблялось в двух значениях ‘a temporary hut or cabin’ (‘временная хижина’), которое в настоящее время считается вышедшим из употребления, и ‘a set of buildings used as a residence for soldiers’ (‘ряд строений, используемых для размещения солдат’), которое употребляется до сих пор. От этого значения в результате метафорического переноса возникает негативно-оценочное значение ‘any large austere building suggestive of a military barracks’ (‘любое большое неприветливое здание, напоминающее военную казарму’) и впервые фиксируется в письменных источниках в начале XIX в. (SOED, I).

Аналогичные оценочные семантические преобразования некоторых слов, не обусловленные ни контактами, ни генетическими факторами, позволяют говорить о некоторых универсальных оценочных тенденциях. В качестве следующего примера рассматриваются, с одной стороны, русские слова *любитель*, *дилетант* и с другой – английские *amateur*, *dilettante*.

Лексема *дилетант*, которая в современном русском языке имеет неодобрительное значение ‘о ком-л., плохо разбирающемся в чем-л.’ (БТС), согласно Л.П. Крысину, является заимствованием из итальянского языка при немецком посредничестве [< нем. *Dilettant* < итал. *dilettante* < *delettare* ‘развлекать, веселить’] (Крыс.). Лексикографически слово впервые фиксируется в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) (СЦСРЯ, I) в единственном значении как музыкальный термин ‘занимающийся пением или игрой на каком-либо инструменте по любви к музыке, а не по обязанности’. Слово *любитель* впервые отмечено в письменных памятниках русского языка XI в., и до XVIII в. оно функционировало в единственном нейтрально-оценочном значении ‘тот, кто имеет склонность, пристрастие к чему-л.’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8). В.В. Виноградов, анализируя историю лексем *любитель* и *дилетант*, писал: «Изменения в экспрессивной окраске слов отражают общественную переоценку тех или иных явлений и понятий. Например, слова *любитель* и *дилетант* до 20–30-х гг. XIX в. при господстве дворянско-аристократической речевой культуры были окружены светлым, положительным эмоциональным ореолом. <...> Затем с углублением профессионализации и демократизации литера-

турная речь сближается со специальными и научными языками. Слово *профессионал* делается антонимом слов *любитель*, *дилетант*. <...> В середине же XIX в. – в связи с этой переоценкой понятий – укрепляются новые образования с презрительным оттенком» [8, с. 773].

Подобный процесс наблюдается и в английском языке. Латинское заимствование через французское посредничество *amateur* [< фр. *amateur* < лат. *amatorem* < *amare* ‘любить’] известно по письменным источникам с 1784 г. в положительно-оценочном значении ‘любитель чего-л.; тот, кто разбирается в чем-л.’ (OED, I). Его синоним итальянского происхождения *dilettante* [< итал. (прич. наст. времени < *dilettarsi*) < лат. *delectare* ‘восхищать’], впервые отмеченный в XVIII в., также употреблялся в положительном значении ‘любитель изобразительного искусства’ (OED, IV). В первой половине XIX в. у обоих слов – *amateur* и *dilettante* – фиксируется презрительное значение ‘непрофессионал’ (OED, I; OED, IV).

Таким образом, можно говорить об аналогичной оценочной семантической модели ‘любитель’ → ‘дилетант, непрофессионал’, которая зафиксирована и в английском, и в русском языке. Развитие пейоративных значений по данной модели произошло в результате бурного научно-технического развития, политических и экономических событий в XIX в., которые существенным образом влияли на лексику языка.

Наше исследование показало, что семантические изменения являются одним из основных источников пополнения подсистемы пейоративной лексики современных русского и английского языков. И в русском, и в английском языке можно наблюдать аналогичные модели, по которым оформляются производные негативно-оценочные единицы, не обусловленные ни генетически, ни контактами языков.

Принятые сокращения

OED – The Oxford English dictionary: in 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 20 vol.

SOED – Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles: 2 vol. / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – 6th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – Vol. 1: A – M; Vol. 2: N – Z. – 3742 p.

БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред.

С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

Крыс. – Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний: 2000 иллюстраций: наиболее употребительные иностранные слова, вошедшие в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века / Л.П. Крысин; РАН. – М.: Эксмо, 2008. – 863 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 27 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2006. – 27 вып.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века: в 16 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2006. – 16 вып.

СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отд-нием Императ. Акад. наук: в 4 т. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1847. – 4 т.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ, 1935–1940. – 4 т.

Литература

1. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
2. Зализняк, А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
3. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. по 3-му изд. А.А. Холодовичем, вступ. ст. А.А. Холодовича // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. и под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–285.
4. McMahon, A.M.S. Understanding language change / A.M.S. McMahon. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 361 с.
5. Покровский, М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
6. Трубаев, О.Н. Труды по этимологии: слово, история, культура: в 2 т. / О.Н. Трубаев. – М.: Яз. слав. культуры: А. Кошелев, 2004. – Т. 1. – 798 с.
7. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры»: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
8. Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов; отв. ред. Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз., Отд-ние лит. и яз. – М.: Толк, 1994. – 1136 с.

Поступила в редакцию 08.11.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.